

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СОЛДАЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЗАГАДКИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.01 — Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Садова Татьяна Семеновна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: Приемышева Марина Николаевна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук» (ИЛИ РАН)

Бунчук Татьяна Николаевна,
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Защита состоится «31» мая 2018 г. в 18.00 на заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте: <https://disser.spbu.ru/disser/dissertatsii-dopushchennye-k-zashchite-i-svedeniya-o-zashchite/form/12/1667.html>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

С. В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение языка фольклора как особой подсистемы общенационального языка со своими специфическими особенностями и характеристиками — относительно молодое направление в отечественном языкознании.

Хотя народная словесность достаточно серьезно исследуется в фундаментальных трудах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, О. Ф. Миллера и других ученых-филологов XIX в., все же начало системного, жанрового изучения языка фольклорных памятников приходится на 1970-е гг. Работы И. А. Оссовецкого, А. В. Десницкой, П. Г. Богатырева, А. Т. Хроленко, А. П. Евгеньевой и др. заложили основы отдельной языковедческой отрасли — лингвофольклористики, имеющей совершенно определенные цели и задачи, выработавшей ряд выверенных методик анализа языка фольклора, определившей перспективы дальнейших исследований народнопоэтического языка.

Настоящая работа посвящена изучению языка загадки, древнейшего жанра русского устного поэтического творчества, по определению В. И. Даля — «краткого иносказательного описания предмета, предлагаемого для разгадки» (*Даль* 1: 583). В одном из современных определений загадки утверждается, что это «устойчивые тексты, объединяемые общностью коммуникативной цели <...> адресанта, которая приблизительно описывается формулой: *хочу, чтобы ты догадался, о чем я говорю*» (*Юдин* 2007: 9). В том и другом случае ясно, что загадка принципиально диалогична, она существует как зафиксированный речевой акт, в котором реально присутствуют и адресант (условно «левая часть» текста), и адресат («правая часть» текста).

Фольклористы признают, что загадка — «один из древнейших “малых” жанров славянского фольклора» (*СД* 2: 233). Исследователи придерживаются мнения о «связи происхождения загадок с верованиями, религиозными тайнами» (*Митрофанова* 1978: 29), полагают, что «загадка <...> использовалась в архаичных обществах как часть культового обряда и как средство передачи сакрального знания» (*Журицкий* 1989: 3).

При всей очевидности загадки как жанра русского фольклора, как факта устнопоэтической речи, как устойчивого элемента традиционной культуры следует констатировать, что язык загадки весьма редко становился специальным

предметом лингвистического исследования, хотя филологами изучались поэтика русской загадки, ее структура и типология (*Митрофанова 1965, Рыбникова 1985, Журинский 1989, Цивьян 1995* и др.).

В диссертационном исследовании комплексный анализ языка одного жанра фольклора впервые проводится на малоизученном с лингвистической точки зрения материале, имеющем отчетливые специфические признаки — как собственно лингвистические, так и жанрово обусловленные — открытость и подвижность различных форм фольклора, склонных к компиляции и историко-культурной трансформации. В этом заключается **новизна диссертации**.

Учитывая естественную открытость фольклорного произведения как его общую категориальную характеристику, следует отметить, что наряду с наиболее «консервативными» жанрами фольклора — заговорами, духовными стихами и др. — загадка «особенно заботилась о сохранности и четком выражении заложенной [в ней — А. С.] информации», поскольку представляла собой «особый способ кодирования»: в ней «размер текста позволял заключить лишь экстракт сообщения» (*Цивьян 2009: 134*).

Иными словами, загадка представляет интерес для лингвиста известной сохранностью языковой организации своего текста. В загадке присутствуют архаичные элементы кодирования окружающего мира, что позволяет исследовать язык этого жанра с точки зрения отражения в нем древнейших представлений русского человека о жизни, поскольку тематически загадка охватывает многие ее стороны.

Будучи сегментом общей фольклорной модели мира, загадка естественным образом встроена в нее и вся пронизана сквозными мотивами, т. н. общими местами, устойчивыми речевыми формулами, метафорически и мифологически оправданными обусловленностями, характерными для всего русского фольклора. При этом загадка имеет свои, уникальные, собственно жанровые языковые «общности», отражающие только «загадочную» картину мира, что позволяет ряду ученых утверждать, что «весь корпус загадок <...> можно рассматривать как единый текст» (*Волоцкая 1987: 252*). Описание языка отдельного фольклорного жанра — загадки — в аспекте фольклорной модели мира, имеющей на лингвистическом уровне трансформацию в виде языковой картины, составляет **актуальность** предпринятого **исследования**.

Загадка, с одной стороны, имеет общие, интертекстуальные связи (различного уровня) с текстами других жанров русского фольклора, с другой, — формирует только свои, специфические языковые черты, создавая интертекстуальность жанрового характера, что способствует порождению целой цепочки текстов с одной отгадкой. Множество таких текстов становится возможным благодаря внутрижанровой «перекличке» однажды найденных соответствий, т. е. кодовых обусловленностей, повторяющихся и используемых при создании текстов с одним «скрытым денотатом». Такую устойчивую общность текстов загадки (как эксплицитную, так и имплицитную) мы называем «внутрижанровой интертекстуальностью».

Итак, интертекстуальность понимается как универсальная категория фольклорного текста, которая характеризует фольклорное произведение как функционально заданный сегмент единой фольклорной модели мира, в котором отражены наиболее общие, национально маркированные, культурные представления, на языковом уровне выраженные общими формулами, фразеологией, ключевыми словами и другими элементами текста.

Объектом изучения в работе являются зафиксированные в различных сборниках тексты русских традиционных загадок, их семантика и структура, в качестве же **предмета** исследования выступают разноуровневые вне- и внутрижанровые проявления интертекстуальности «загадочных» текстов.

Теоретическая значимость диссертации заключается, во-первых, в том, что лингвистическое описание загадки в аспекте языковой картины мира дополняет сведения о жанровом характере фольклорной модели мира. Во-вторых, в теорию лингвистического описания отдельного жанра вводится понятие интертекстуальности — общефольклорного и внутрижанрового характера, что в известном смысле гиперонимизирует разрозненные понятия, традиционно выражаемые терминами «формула», «общее место», «сквозные тексты» и др. Мы исходим из того, что «интертекстуальность <...> создается не только совокупностью предшествующих текстов, понимаемых в широком семиотическом смысле, но и набором общих кодов и смысловых систем» (Петрова 2011: 135). Загадка демонстрирует устойчивый набор жанровых кодов, что обеспечивает ей внешнюю текстовую вариативность без изменения кодового замысла.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использовать результаты исследования в вузовских лекционных курсах по фольклористике и лингвофольклористике, по семантике и лексикологии. Наблюдения за устойчивыми метафорическими и неметафорическими сцепами между загадкой и отгадкой могут послужить материалом для словаря русского фольклора, востребованного как в русской, так и иностранной аудитории, изучающей русский язык и русскую культуру.

Цель диссертации — учитывая специфику и категориальные признаки языка фольклора как особой подсистемы общенационального русского языка, исследовать текст загадки с точки зрения его естественной интертекстуальности — как общефольклорного, так и жанрового уровня.

Задачи, стоящие перед автором исследования:

- 1) изучить теоретические основания темы исследования: рассмотреть специфические характеристики языка фольклора; определить границы жанра русской загадки; изучить теорию интертекста / интертекстуальности для выработки определения интертекстуальности отдельного жанра фольклора; дать определение фольклорной модели мира / жанровой картины мира;
- 2) проанализировать корпус русских загадок, извлеченных из различных источников; отобрать тексты, релевантные поставленным задачам;
- 3) дать типологию текстовых единиц интертекстуальности по различным признакам;
- 4) проанализировать наиболее актуальные для русской загадки интертекстуальные связи и способы их языковой репрезентации;
- 5) на примере цепочки загадок с одним «скрытым денотатом» продемонстрировать внутрижанровую интертекстуальность;
- 6) обобщить результаты исследования и наметить перспективы будущих исследований.

Гипотеза исследования: кодовый характер жанра загадки обусловлен особым устройством ее текста и специфической репрезентацией в нем общефольклорных представлений, которая формирует т. н. жанровую интертекстуальность, обеспечивающую создание цепочки текстов с одним «скрытым денотатом».

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиционная загадка — состоявшийся речевой акт с выраженными позициями адресанта (левая часть текста) и адресата (правая часть текста), в котором зафиксирован древнейший общекультурный код (шифр), имеющий различные социальные функции.

2. Загадка имеет безусловную метаязыковую функцию; загадывается не предмет или явление, а слово, поэтому вопросная часть загадки прежде всего — загадывание слова, а не выражение предметных и реальных обусловленностей.

3. Под фольклорной интертекстуальностью следует понимать репрезентацию в любом жанре фольклора общенациональной фольклорной модели мира, что определяет его способность выступать в качестве пре- или пост-текста относительно других жанров фольклора, причем как на эксплицитном (общие текстовые сегменты), так и на имплицитном уровне (традиционные мотивы, система аксиологических констант, логическая модель и др.).

4. Язык загадки устроен таким образом, что, с одной стороны, содержит общефольклорные интертекстуальные единицы, с другой — внутрижанровые.

5. Модель мира загадки как древнейшего факта устнопоэтической культуры имеет свои особенности, выраженные различными языковыми единицами в ее тексте; загадка формирует устойчивый репертуар семантических связей между вопросной и ответной частью, что обеспечивает множество загадок с одним «скрытым денотатом».

Методы, используемые в диссертации: **описательный** — для описания общих свойств языка фольклора и загадки как его древнейшего жанра; **метод научного наблюдения** — для фиксации наиболее актуальных и повторяющихся мотивов метонимических и метафорических сближений, наблюдающихся в отобранных для исследования текстах загадок; **метод концептуального анализа** — для определения концептуального состава (в терминологии Н. И. Толстого) традиционной русской загадки с одной отгадкой (*печь, горшок, имя, смерть* и др.); **метод лексико-семантического анализа** фольклорного слова (по образцам, представленным в книге А. Т. Хроленко «Семантика фольклорного слова»); **метод аналитического обобщения** — при формулировке выводов

исследования, определении основных итогов и перспектив будущих исследований.

Основной **материал исследования** извлечен из сборника «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова (1876), в котором зафиксировано более 4000 текстов (включая варианты). По общему мнению фольклористов, это один из первых полных сводов загадок. Для целей нашего исследования важно, что тексты в первом издании сборника Д. Н. Садовникова представлены практически без обработки, с минимальными изменениями, которые могли внести собиратели. Для создания более полного представления о загадках, зафиксированных после издания «Загадок русского народа», привлекается и более поздний сборник В. В. Митрофановой (1968). Он включает часть текстов из собрания Садовникова, а также другие загадки, последние из которых зафиксированы в 1960-х гг. Общий состав сборника В. В. Митрофановой — более 5500 текстов. Для подтверждения идеи о вневременном характере основных логических моделей загадки к исследованию привлекаются также современные тексты, бытующие в русскоязычном интернет-пространстве. Общее количество привлеченных к исследованию текстов — более 6000, в работе подробно проанализировано и описано около 400 загадок.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили работы: по специфике языка фольклора (Ф. И. Буслаев, И. А. Оссовецкий, А. П. Евгеньева, А. Т. Хроленко, К. В. Чистов, З. К. Тарланов, С. П. Праведников, С. Е. Никитина, И. С. Климас и др.); по языку и жанру загадки (З. М. Волоцкая, А. В. Головачева, В. В. Иванов, Т. М. Николаева, И. А. Седакова, С. М. Толстая, А. Н. Журинский, Т. В. Цивьян и др.); по теории интертекста и интертекстуальности (И. В. Арнольд, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева и др.); по методам и способам исследования фольклорного текста (Н. И. Толстой, В. В. Колесов, С. П. Праведников, О. А. Черепанова, А. Т. Хроленко, Т. С. Садова, Т. Н. Бунчук и др.).

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на следующих конференциях, в том числе международных: 1) Научная сессия «Невские Чтения», Невский институт языка и культуры, Санкт-Петербург, 2009 г.; 2) XVIII международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2011 г.; 3) Международная конференция молодых филологов,

Университет Тарту, 2012 г.); 4) II Ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 2013 г.; 5) IV Международный семинар «Зачеркнутый текст» в ИРЛИ РАН (6–7 октября 2015 г.); 6) V Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 19 апреля 2016 г.); 7) XLVI Международная филологическая конференция (СПбГУ, 13–22 марта 2017 г.); 8) Международная конференция молодых филологов (Университет Тарту, 28–30 апреля 2017 г.); 9) XV Всероссийская научная конференция «Информация — Коммуникация — Общество» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 18–19 января 2018 г.); 10) 71-я Научно-техническая конференция профессорско-преподавательского состава (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», секция кафедры русского языка, 6 февраля 2018 г.).

По теме диссертации опубликовано 16 работ, в том числе 5 — в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, списки источников, словарей, библиографию научной литературы и два приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна работы, определяются объект и предмет диссертационного исследования, формулируются цель и задачи, указываются теоретическая, практическая значимость диссертации и методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лингвистика фольклорного текста и жанра: проблемы и пути решения» рассматривается специфика языка фольклора как отдельной микросистемы общенационального языка. При исследовании языка загадки, организованной особым образом (рифма, диалоговая природа, заданный ритм, строгость формы), в качестве отправной признается точка зрения лингвистов, квалифицирующих язык фольклора как эстетически и прагматически нагруженный, наддиалектный, но органично связанный с диалектом, что проявляется в лексических вкраплениях и некоторых фонетических и грамматических предпочтениях: 8. *На улице полагет, придет — на лавочку ляжет. Топор* (С 1876: 1).

Слово и другие языковые единицы в фольклорном тексте, как и в литературном произведении, «в семантическом отношении заметно отличаются от своего внехудожественного эквивалента» (Хроленко 1992: 15). К языковому значению добавляется «семантика актуального поэтического контекста» и «семантика традиции в предшествующем поэтическом языке» (Там же). Фольклор обладает свойством аккумулятивности, т. е. «способностью накапливать и гармонически уравнивать смысловые и материальные элементы различных временных и региональных пластов» (Там же: 19).

Н. И. Толстой предлагает рассматривать архаичный текст любого жанра фольклора единством трех кодов, изоморфных друг другу: вербального, акционального и предметного. Следовательно, смысл текста есть объемное содержание, обращенное ко всей материальной и нематериальной культуре народа (Толстой 1995: 15–26). В таком случае текст загадки, особенно в своем первичном ритуально-магическом назначении, должен быть исследован как изоморфный ритуальному действию, ритуальному предметному окружению. Манифестируемая интертекстуальность загадки становится тем более очевидной, чем более загадочный текст вовлечен в систему традиционных представлений, создающих, в свою очередь, ядерный фонд традиционных фольклорных мотивов, реализуемых поэтической системой т. н. «классического фольклора».

Многие исследователи сходятся в том, что каждая загадка имеет только один правильный ответ: «Нельзя “отгадать” приблизительно: загадка считается отгаданной только в том случае, если дан абсолютно правильный и он же единственно возможный ответ» (Байбурин 1988: 134). Действительно, поскольку загадка предполагает диалог, а мерилom «верности» отгадки является сам загадывающий, «правильным» ответом будет только тот, который имел в виду адресант.

Загадка в народной культуре есть знак, где «левая» часть текста — план выражения, а «правая» его часть — вербальная экспликация плана содержания. В загадке, как и в языковом знаке, существует «асимметрия» между «планом выражения» и «планом содержания»: почти одинаковые загадки могут иметь разные отгадки, а одно слово может описываться в «загадочном» жанре по-разному 1621. *На воде не тонет, на огне не горит, в земле не гниет. Имя* (Загадки: 60) и 1592. *В огне не*

горит, в воде не тонет и в земле не гниет. *Мысль* (Загадки: 59); 1859 (а). Чего на свете не перечтешь? *Звезды*. Олон. губ. (С 1876: 232) и 1861. Что видно только ночью? *Звезды* (С 1876: 232). Соответственно терминологии, принятой для языковых знаков, разные тексты с одной отгадкой мы считаем синонимичными, а одинаковые тексты с разными отгадками — омонимичными.

Загадывание загадок в традиционной культуре сближалось с ритуалом. Обычно старшие загадывали загадки молодым, которые «лишь постепенно приобщались к этому искусству» (СД 2: 234). Загадки входили в качестве обязательного элемента в свадебный обряд: «У русских во время свадебного пира жених мог занять свое место рядом с невестой лишь после того, как дружка отгадает предложенные подругами невесты загадки» (*Байбурин* 1988: 134). Исходя из этого, а также из символического содержания многих «загадочных» текстов, С. Я. Сендерович делает вывод, что загадка являлась испытанием молодежи на готовность к вступлению в брак: «Сексуальная тематика не просто присуща народной загадке, а дает основание самому жанру, поскольку является причиной запрета называния» (*Сендерович* 2008: 192).

Овладение «загадочным» материалом, таким образом, переводило человека на более высокую социальную ступень. Учитывая языковую природу обеих частей загадки, можно утверждать, что загадка определяет, принадлежит ли отгадывающий к данной традиционной культуре, через проверку овладения им мифопоэтической картиной мира. «Первичной функцией загадки остается верифицировать, используют ли говорящие (загадывающий загадку и отгадывающий ее) один и тот же язык, употребляют ли они выражение языка в одном и том же смысле» (*Лекомцева* 1994: 218). Следовательно, загадка обладает «метаязыковой» функцией в терминологии Р. О. Якобсона (*Якобсон* 1975: 193–230). Само овладение «загадочным» фондом является частью погружения в данную ЯКМ и изучения языка: наряду с пословицами и поговорками «загадки <...> передаются по наследству как часть общеязыкового запаса речений» (*Иванов* 1988: 5).

Загадка определяется как диалогический текст, состоящий из функционально вопросного и ответного высказываний и характеризующийся «метаязыковой» функцией. В работе рассматриваются т. н. «классические» тексты

загадок; за пределами рассмотрения остаются вопросы, проверяющие знание библейских и иных текстов, математические и логические задачи.

Вторая глава «Интертекст и интертекстуальность» посвящена лингвистической интерпретации термина «интертекстуальность», применяемой преимущественно при анализе авторской художественной литературы. К настоящему моменту сформировано несколько подходов к определению понятий «интертекст» и «интертекстуальность», с точки зрения интертекстуального анализа рассматриваются не только художественные произведения, но и тексты других типов дискурса. Проблема применения методов интертекстуального анализа по отношению к фольклорным текстам (в связи со спецификой их бытования) остается практически неразработанной.

После Ю. Кристевой, которая ввела термин «интертекстуальность», наиболее полное определение интертекста принадлежит Р. Барту: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» (*Барт* 1989: 418). По мысли ученого, не следует заниматься поиском источников и влияний, поскольку текст создается из обрывков уже известных анонимных цитат. Барт последовательно отрицает важность категории автора для текста, вводя новый термин для обозначения того, кто подражает написанному прежде и уже тогда не впервые, и называя его скриптором. Для произведений фольклора, анонимных по природе, эти замечания чрезвычайно существенны: представляется возможным объединить множество существующих явлений, так или иначе связанных с текстовыми и содержательными совпадениями разных текстов фольклора, и применять в таких случаях в качестве гиперонима понятие и термин «интертекстуальность».

Последовательная и достаточно полная теория интертекстуальности разработана Н. А. Фатеевой, которая предлагает различать две стороны интертекстуальности: читательскую и авторскую — и дает следующее определение интертекстуальности: «С точки зрения читателя интертекстуальность — это установка на 1) более углубленное понимание текста или 2) разрешение непонимания текста <...> за счет установления многомерных

связей с другими текстами» (Фатеева 2007: 16), а с позиции автора это «способ генезиса собственного текста <...> через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» (Там же: 20). Этот двойственный подход важен для целей исследования, объектом которого являются диалогические тексты, причем ответная реплика (отгадка) содержит опосредованную интерпретацию замысла коллективного автора загадки.

Фатеева включает общие места, поэтические формулы в концепцию интертекстуальности. Эта позиция важна для анализа текстов фольклора, которые принято анализировать с точки зрения включения традиционных формул (Мальцев 1989). Исследовательница также предлагает дробную классификацию интертекстуальных включений и выделяет в первом приближении 1) собственно интертекстуальность, образующую конструкции «текст в тексте» (цитаты, аллюзии и т. д.), 2) паратекстуальность (отношение текста к заглавию, эпиграфу, послесловию), 3) метатекстуальность (создание конструкций «текст о тексте»), 4) гипертекстуальность (осмеяние одним текстом другого), 5) архитекстуальность (жанровые связи текстов), б) иные модели и случаи интертекстуальности. Все описанные исследовательницей способы интертекстуального взаимодействия присущи загадке, за исключением паратекстуальности.

Таким образом, мы рассматриваем интертекстуальность с точки зрения автора (как способ создания текста в сложной системе отношений с другими текстами) и с точки зрения реципиента (как установку на разрешение непонимания текста за счет опознания и интерпретации связей данного текста с другими). Для установления наличия интертекстуальности необязательно указывать конкретный прототекст, а использование формул признается интертекстуальным включением.

Мы исследуем записи текстов, сделанные в середине XIX в., каждая из которых имеет комплекс «общностей» различного уровня — как с фольклорным мегатекстом вообще, так и с загадками одного порядка, одной тематической группы. Загадке (как и всем фольклорным жанрам) свойственна интертекстуальность, которая, с одной стороны, обеспечивает ей способность множиться, «рассыпаться» в ряде версий, с другой — формирует фонд внутрижанровых интертекстуальных единиц (формул, обусловленностей, клише и устойчивого лексического состава).

Так, например, замечена устойчивая соотнесенность сочетания *два брата* с загадываемыми парными предметами для целой серии загадок, причем чаще всего — для темы «Человек»: «Формула “два брата” (“четыре брата”, “брат с братом”) — весьма частотна в загадках о человеке и его теле; она употребляется независимо от грамматического рода слова-наименования части тела; она универсальна при обозначении парных и непарных объединений» (Садова 2014: 55). Загадок о *двух братьях* большое количество, причем основная их часть — тексты о человеке, о парных предметах, также принадлежащих человеку и входящих в «мир человека» (например, *обувь, рукава рубахи* и др). Формула *два брата* в ЯКМ загадки должна быть признана интертекстуальной единицей, сохраняющей содержательный и формальный маркер соотнесенности как с темой «человек», так и с жанром загадки в целом: только в загадке такая «привязка» наиболее устойчива.

Лексема *кубышка* в русском «загадочном» фонде устойчиво употребляется для обозначения хлебного зерна (просо, овес, пшено) или имени человека: 2060. *Маленька колышка, Золота кубышка, На воде не тонет, На огне не горит. Имя* (С 1876: 255). Мотивировка такой «привязки», ставшая причиной замеченной устойчивости соотношений (*кубышка* → *имя, хлебное зерно*), уходит в глубокую древность. Для русской загадки на момент записи (нач. XIX в.) следует констатировать как факт наличие интертекстуальной единицы — лексемы *кубышка*, являющейся заменителем «скрытого денотата» — *зерно / имя человека*. В словаре В. И. Даля находим определение *кубышки*, совпадающее с тем, что зафиксировано М. Фасмером: ‘узкогорлая посуда с раздутыми боками; <...> кожаный ли деревянный сосуд, для питья. Дуплянка или ларец, для денег’ (Даль 2: 353); ‘пузатый сосуд с горлышком’ (Фасмер 2: 394). По неизвестной для современного носителя языка причине именно *кубышка* входит в устойчивый «цитатный фонд» русской загадки об имени. В СРНГ отмечаются значения, в которых актуализируется не сема «округлости», а сема «ценности»: 1) ‘небольшой круглый или четырехугольный ящик, большая коробка для денег’, 2) ‘кошелек денег’ (СРНГ 15: 387). Не случайно в словарях современного русского языка *кубышка* даже в составе фразеологического сочетания уже не требует эпитета *ценный*, она сохраняется в составе устойчивого выражения *держатъ деньги в кубышке* с вполне ясным толкованием: ‘хранить

накопленные деньги дома' (МАС).

Модель мира загадки как древнейшего факта устнопоэтической культуры имеет свои особенности, выраженные различными языковыми единицами в ее тексте; загадка формирует устойчивый репертуар семантических связей между вопросной и ответной частью, что обеспечивает множение загадок с одним «скрытым денотатом».

В третьей главе «Загадка как интертекстуальный феномен» представлен лингвистический анализ внутрижанровых и внежанровых интертекстуальных связей русской загадки в пространстве русского фольклора. Отмечено также взаимовлияние некоторых загадок (о *горшке*) с книжными текстами — притчами, апокрифами.

По отношению к текстам других фольклорных жанров загадка может выступать в роли прототекста и метатекста.

Принципиальная диалогичность и интеррогативность, нацеленность на испытание мудрости и знание адресатом принятого в данном социуме кода делают загадку функционально оправданным прототекстом для произведений других фольклорных жанров. В некоторые тексты загадка может быть включена полностью (например, в сказки и песни), в другие — частично (как правило, без отгадки: пословицы, поговорки, эвфемизмы и т. д.).

Современные анекдоты заимствуют вопросно-ответную композицию «загадочного» текста и формально становятся диалогическими, однако на самом деле ответ на поставленный вопрос дает сам адресант (Шмелева 2002: 101), например: *В чем сходство нового русского и картофеля? Или весной посадят, или осенью уберут!* Важно отметить также, что многие анекдоты (в т. ч. приведенный), как и некоторые (предположительно позднего происхождения) загадки, построены на основе каламбура.

В качестве метатекста загадка выступает по отношению к фольклорным «житиям» растений и предметов, заговорам, пословицам, логическим и арифметическим задачам и т. д.

Загадки о *горшке*, *льне*, *хлебе*, *гусином пере* активно заимствуют формулы (лексические, синтаксические и композиционные) у т. н. фольклорных «житий» растений и предметов. В загадках *горшок*, *лен*, *хлеб*, *гусиное перо* «претерпевают мучения», что связано, в первую очередь, с их антропоморфностью в рамках ЯКМ.

Тема «страданий» выражается следующими языковыми средствами:

1) лексическими: использование библейских антропонимов для проведения параллелей между «житием» *горшка* и библейскими и апокрифическими сюжетами; соотнесение действий, совершаемых с названными предметами (*бить*, *резать* и др.), с жизнью человека; использование слов *колесовать*, *терпеть* и др., характеризующих «жизнь» *горшка*, *льна*, *хлеба*, *гусиного пера*);

2) грамматическими: вторичные номинации отгадок имеют объектное значение, используются страдательные причастия и глаголы в страдательном залоге.

Перечисленные загадки в структурном (последовательное перечисление этапов «жизни») и семантическом (реализация темы страданий) отношении тесно связаны между собой, а также с фольклорными «житиями-мучениями» и апокрифическими «житиями».

Среди внутрижанровых интертекстуальных приемов загадки в первую очередь следует отметить использование т. н. логических моделей (термин Г. Л. Пермякова) — принципов соотношения описательной части и отгадки, повторяющихся хотя бы в двух зафиксированных текстах и позволяющих создавать и отгадывать аналогичные загадки. В основе русских традиционных (и современных) загадок лежат модели не только 1) собственно логические, но и включающие 2) фонетико-графические соответствия (загадки «про буквы», с омофонами и т. д.), 3) лексические соответствия (загадки с каламбуром на основе полисемии или омонимии, в том числе эротические загадки и т. д.), 4) межтекстовые связи (загадки, напоминающие арифметические или логические задачи, заговоры, пословицы, «жития» растений и предметов и т. д.).

Так, отчетливо выделяется модель построения анаграмматических загадок: 367. Сивая кобыла По миру ходила; К нам пришла — По рукам пошла. **Сито** (С 1876: 46); 367 (е). Сиво кониво По нивам ходило; К нам пришло — По рукам пошло. **Сито**. (С 1876: 68). Связь между вторичными номинациями *сита* и их атрибутами и предикатами находится на фонетическом уровне. В 7 загадках о *сите* неизменно повторение первоначального слога *си-* в первом слове. В приведенных текстах второе слово имеет в первом слоге гласную *-о-*, которая, по-видимому, является намеком на конечный гласный в загадываемом слове.

Подобные примеры не единичны, они еще раз свидетельствуют о том, что загадывается именно слово, а не предмет. Анаграмма, заключающаяся в вольной перестановке звуков, используемых в тексте загадки для составления нового слова, не просто логический прием, это существенный сегмент культурного знания, традиционного представления о закономерности «соотношения звука и смысла» (Иванов 1987: 236).

К логическим моделям, основанным на лексических соответствиях, относится, например, «провокативная», порождающая т. н. эротические загадки — те, в которых по крайней мере одно из актуализирующихся загадкой значений слов в описательной части связано с темой эротизма. Это значение, как правило, является не узуальным, а формирующимся в контексте: 1731. *Стоит хата Кругом мохната, Одно окно, Да и то мокро. Рот в бороде* (С 1876: 217), эта же описательная часть имеет и другую (сходную) отгадку: 1775 (б). *Глаз* (С 1876: 222). Обе отгадки «образно» близки: и *рот в бороде*, и *глаз* представляют собой визуально сходные явления — «нечто округлое, обрамленное волосами». Значение ‘женский половой орган’ у *окна* возникает исподволь, за счет сочетания в контексте со словами *мохната* и *мокро*, в других жанрах русского фольклора (например, в озорных частушках) устойчиво выполняющими функцию постоянного эпитета исключительно при именовании полового женского органа.

Включение в кодирующую часть традиционной загадки некоторых слов (например, с корнем *-мохн-* и *-слад-* (*-сласт’-*)) выступает в качестве маркера наличия в тексте эротического подтекста: 659 (б). *Разойму мохнушку, Воткну голыша. Рукавица* (С 1876: 82); 555 (б). *Сладенький кусочек Из гузнышка в роточек. Яйцо* (С 1876: 290). Для загадок подобного рода важно то, что вопреки предполагаемому ответу следует называть кажущуюся менее очевидной, но непременно «приличную», неэротическую отгадку. Эти загадки, построенные на игре с интертекстуальными «общностями», создаваемыми — в данном случае — употреблением устойчивых эпитетов, еще раз подчеркивают существование т. н. общего культурного знания, реализующего себя в разных сегментах (жанрах) в разных фольклорных дискурсах.

Сопоставление загадок, функционирующих в рамках интернет-коммуникации, с загадками, зафиксированными в авторитетных сборниках,

показало, что в основе современных и традиционных загадок лежат одни и те же логические модели, которые, выступая в качестве интертекстуальных скреп, позволяют загадке развиваться, не теряя связи с архаичными истоками жанра.

Анализ т. н. омонимичных загадок (с совпадающими описательными частями и разными отгадками) и загадок одной семантической группы (с одной отгадкой) показывает, что эти тексты имеют тесные связи на формальном и содержательном, концептуальном уровне как между собой, так и с текстами других фольклорных и книжных жанров.

Исследование загадок одной семантической группы (с отгадкой *печь*) позволило выстроить семантическую структуру слова-отгадки в «загадочной» ЯКМ. Были выделены следующие семантические компоненты слова *печь* (расположены в порядке убывания частотности в корпусе русских загадок):

1) антропоморфность (145. *Мать толста, Дочь красна, Сын кудреват, Отец горбоват. Печь, огонь, дым, кочерга* (С 1876: 14));

2) связь с избой и различными её частями (127. *Стоит баба в углу, А рот — в боку. Печь и чело* (С 1876: 14));

3) большой размер (3342. *Шкаф большой, дверцы маленькие. Кладут белое, вынимают черное. Печь и дрова* (Загадки: 105));

4) «наполненность» (3481. *Полон засечек красных овечек, Волк сивой вскочит — всех разгонит. Печь, уголья, кочерга* (Загадки: 108));

5) зооморфность (135. *Стоит медведь, около него сума висит. Печь и заслон* (С 1876: 15));

6) белый или черный цвет (128. *По сторону белец, По другую белец, По середке чернец. Печь, чело и очелыш* (С 1876: 14));

7) способность давать тепло (3315. *Что за зверь: В зиму ест, а летом спит, Тело тепло, а крови нет. Сесть на него сядешь, а с места не свезет. Печь* (Загадки: 104));

8) «прожорливость» (3332. *Стоит Матрена здорова, ядрена, Пасть открывает, что дают, глотает. Печь* (Загадки: 104));

9) различное «поведение» летом и зимой (3316. *Дедушка старый весь белый, Лето придет — не глядят на него, Зима настанет — обнимают его. Печь* (Загадки: 104));

10) неспособность к перемещению (125. *Сидит барыня в амбаре, Не свезешь*

ее на паре. *Печь* (С 1876: 14)).

Это семантические компоненты, выраженные в описательной части совпадающими или синонимичными лексемами, неизменно повторяются в ряде текстов, что свидетельствует о существовании общекультурного устойчивого кода, т. н. культурного знания, обеспечивающего интертекстуальный характер фольклорным произведениям. Загадки о *печи* образуют интертекстуальные связи как между собой, так и с загадками других тематических групп. Внутренние связи представлены на уровне общих семантических компонентов слова в «загадочной» ЯКМ и на формальном уровне (совпадение формул в описательной части и «комплектов» слов в составных отгадках), а внешние связи реализуются в виде омонимии «загадочных» текстов.

Разноуровневыми интертекстуальными связями пронизаны загадки с отгадками — непредметными именами существительными. Эти тексты принято считать «маргинальными»: в сборнике Д. Н. Садовникова они включены в последние разделы, поскольку традиционная загадка, как правило, оперирует словами, обозначающими простые бытовые предметы или явления.

Непредметная сфера в «загадочном» жанре представлена следующими словами-концептами: *бог, боль, время, грех, душа, жизнь, здоровье, имя, ложь, молодость, мысль, нечистый, правда, смерть, сон, старость, судьба, ум.*

Анализ всех приведенных слов — узлов «загадочной» ЯКМ показывает, что они, как правило, являются словами с максимально обобщенной референцией. Абсолютное большинство непредметных слов-концептов в «загадочной» ЯКМ обладает устойчивой положительной или отрицательной оценочностью и даже зачастую через эту оценочность определяется: *Милее милого, слаще сладкого. Сон* (Загадки: 60); *Что выше и краше солнца? Правда* (Загадки: 156), — что соответствует антропоцентричности загадок. Если воспринимать все слова в левой части загадок через их полноценное лексическое значение, то «выйти» на отгадку невозможно. Смысл введения слов-«подсказок» состоит в затруднении процесса отгадывания: в них надо учитывать только коннотативный фон, а не референцию. В подобных случаях лексическое значение слова фактически вытесняется его коннотацией, положительной или отрицательной. Эти устойчивые пары

противоположных по своей ценностной ориентации понятий являются «семантическими оппозициями». Бинарные оппозиции как «универсальное средство описания семантики мира» (Топоров 1982: 24) диктуют частую предельность оценок, которая выражается в форме «компаратив + *всего*» (*Что всего слаще? Сон* (Загадки: 60)) и лексическими средствами, через сравнение с явлениями, в народных представлениях обладающими максимальной полнотой признака (*Что слаще меда, сильнее льва? Сон* (Загадки: 60)).

Семантические оппозиции представлены в исследуемых загадках следующими парами: *бог / нечистый, здоровье / боль* ('болезнь'), *жизнь / смерть, правда / ложь, молодость / старость*. Больше половины непредметных понятий, представленных в загадках, вступают в отношения оценочной оппозиции.

Существует некоторое количество сем (по отношению к семантической структуре загадываемого слова) или формул (по отношению к самому тексту загадки), повторяющихся в разных загадках, причем зачастую не только в экспоненте, но и в сигнификате (ср., например, формулу *в огне не горит, в воде не тонет и в земле не гниет* со значением 'неподверженность разрушению', которая может определять *мысль, правду и имя*). Их наличие позволяет с еще большей долей уверенности говорить о непредметности как особой сфере языковой картины мира загадки со своими признаками и со своей спецификой. К этим признакам можно отнести следующие: 1) «всеобщность» (выражается обычно местоимениями «все», «всякий» или перечислением большинства социальных групп: *Что у всех есть? Имя* (Загадки: 60); *Сидит сова на корыте, Не можно ее накормити Ни попам, ни дьякам, ни миром, ни добрыми людьми, ни старостами. Смерть* (Загадки: 61)); 2) «неподверженность разрушению» (чаще всего обозначается уже указанной формулой); 3) «отсутствие параметров, которые могут быть измерены» (выражается лексическими средствами: *Взвесить нельзя, смерить нельзя, жить без того нельзя. Душа* (Загадки: 152)). Эти смыслы, отраженные в левой части загадки, наряду с аксиологической значимостью и способностью объединять противоположные признаки создают представление о непредметности отгадки.

В синтаксическом плане «загадочные» тексты об отвлеченных понятиях часто являются вопросительными предложениями (в сборниках зафиксировано

30 формально вопросительных загадок с непредметными отгадками): *Что вернуть нельзя? **Время*** (Загадки: 146); *Кто сильнее всего? **Сон*** (Загадки: 60). Это связано с отсутствием в левой части загадки метафоры-заместителя загадываемого непредметного слова, поскольку метафора-заместитель могла бы только «опредметить» описываемое отвлеченное понятие. Явное исключение составляют лишь загадки о *смерти* и о *сне*, но для этих концептов конкретизация необходима в силу требований самой языковой картины мира.

Исследуемые загадки соотносятся с другими жанрами фольклора, прежде всего, с пословицей, которая определяется как жанр с дидактической направленностью, что является и специфической чертой загадок об отвлеченных понятиях. Эти загадки не просто формируют ЯКМ, они предоставляют сведения и о мире, о том, что трудно познать самостоятельно: о *боге, душе, смерти* и т. д.

В **заключении** отражены основные выводы исследования.

Загадка — уникальный жанр русского фольклора, благодатный материал для исследования специфики и особенностей языка фольклора в целом. Будучи жанром, требующим от адресата определенного знания традиционной картины мира, она демонстрирует свою жанровую картину, презентуемую особым устройством своего текста. С одной стороны, текст загадки, как все фольклорные произведения, является открытой структурой, с другой, — имеет все признаки «законсервированного» текста (ритм, рифма, устойчивые соотносительные ряды («цепы») вопрос→отгадка).

В тексте загадки присутствуют древнейшие «цепы» в вербальном кодировании окружающего мира, что выражается в наличии ядерных соотношений, повторяющихся из текста в текст. В этом отношении, на наш взгляд, недостаточно констатировать лишь традиционную формульность загадки, важно указать на наличие фонда традиционного знания (интертекста), составляющего «энергию» жанра (термин Н. А. Кузьминой) и проявляющегося в том числе в этих формулах.

Интертекстуальность понимается в работе как универсальная категория фольклорного текста вообще и загадки, в частности; интертекстуальность в загадке — пронизывающая весь «загадочный» жанр содержательная и формальная общность соотносительных рядов, «цепов» по схеме *вопрос→отгадка*, выражающаяся на текстовом уровне в общих формулах, фразеологии, в сходных

логических моделях, повторяющихся ключевых словах, имеющих характер «ключа», «шифра» к отгадке.

По отношению к текстам других фольклорных жанров загадка выступает в функции прототекста (сказки, загадки-анекдоты и т. д.) и метатекста (пословицы, заговоры, «жития» растений и предметов и т. д.). Будучи прототекстом, загадка «транслирует» свои структурные жанрообразующие особенности, прежде всего, принципиальную диалогичность, которая в сказке, например, может служить для развития сюжета, а в анекдоте — для создания эффекта обманутого ожидания.

Загадки-метатексты позволяют одновременно проверять знание не только принципов построения загадок, но и разноуровневых особенностей текстов других фольклорных жанров. Для рассмотрения этих метатекстов важна установка на наличие особой интертекстуальности с точки зрения реципиента — той, без осознания которой «разгадать» текст невозможно.

Основное внимание в работе уделено «внутрижанровой» интертекстуальности загадки, которая проявляется:

1) на текстовом уровне: а) в преимущественно метатекстовой функции загадки, б) в диалоговой организации текста, в) в наличии ограниченного набора логических моделей строения текста;

2) на лексическом уровне: а) в наличии специальной жанровой «терминологии», б) наличии ядерных текстовых компонентов (собственное имя, постоянный эпитет, ключевое слово и др.), «связывающих» варианты и версии загадок в один гипертекст, в) в культурной семантике ряда лексем, выступающих в роли отгадки;

3) на формальном уровне: а) в наличии устойчивой «анаграммности» как формы кодирования ряда текстов, б) в фактах фонетической аттракции, выступающей поводом для наивной этимологии.

Восстановление фрагментов «загадочной» ЯКМ, установление характерных для загадки интертекстуальных характеристик языкового порядка является очередным шагом на пути к системному и полному комплексному лингвистическому описанию загадки как жанра русского фольклора, что и составляет **перспективу** развития выбранной темы.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

- 1) *Солдаева, А. А.* Русская фольклорная загадка: лингвистические особенности и социальные функции [Текст] / А. А. Солдаева // Дискурс. – 2015. – № 2. – С. 90–96. – 0,39 п. л.
- 2) *Солдаева, А. А.* К вопросу о применении методов интертекстуального анализа при описании русской фольклорной загадки [Текст] / А. А. Солдаева // ФИЛОЛОГОС. – 2016. – № 3 (30). – С. 60–64. – 0,38 п. л.
- 3) *Солдаева, А. А.* Загадка и сногдание: культурные коды (лингвистические заметки для современного школьника) [Текст] / Т. С. Садова, А. А. Солдаева // Русский язык в школе. – М., 2017. – № 6. – С. 86–90 (в соавт. с Т. С. Садовой). – 0,2 п. л.
- 4) *Солдаева, А. А.* Русские фольклорные загадки о *печи*: семантический анализ [Текст] / А. А. Солдаева // ФИЛОЛОГОС. – 2017. – № 4 (36). – С. 81–87. – 0,53 п. л.
- 5) *Солдаева, А. А.* Смерть в русских загадках и сногданиях: языковые и культурные коды [Текст] / Т. С. Садова, А. А. Солдаева // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2017. – №7 (168). – С. 78–81 (в соавт. с Т. С. Садовой). – 0,2 п. л.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

- 6) *Солдаева, А. А.* Вербальная экспликация непредметных понятий в русской загадке [Электронный ресурс] / А. А. Солдаева // М-лы XVIII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/17.pdf>. (28.05.2017). – 0,11 п. л.
- 7) *Солдаева, А. А.* Русская загадка: изучение фольклорного жанра в лингвокультурологическом аспекте [Текст] / А. А. Солдаева // Русская литература в иностранной аудитории: сб. науч. ст. / [редкол.: Т. Г. Аркадьева и др.]. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2012. – С. 66–68. – 0,13 п. л.
- 8) *Солдаева, А. А.* Феномен имени в русской загадке: лингвокультурологический аспект [Текст] / А. А. Солдаева // Русская литература в иностранной аудитории: сб. науч. ст. : вып. 3 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Фак. рус. яз. как иностр.; [сост. И. И. Толстухина, редкол.: Т. Г. Аркадьева и др.]. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 175–177. – 0,14 п. л.
- 9) *Солдаева, А. А.* «Без лица в личине»: к вопросу об определении жанра загадки [Текст] / А. А. Солдаева // Актуальные проблемы современной лингвистики. : М-лы II Ежегод. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 16–17 апр. 2013 г. / С.-Петербур. гос. электротехн. ун-т. – СПб., 2013. – С. 47–48. – 0,12 п. л.

- 10) *Солдаева, А. А.* Лингвистика одного фольклорного жанра: русская загадка [Текст] / А. А. Солдаева // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов. [Вып. 24] / [редкол.: Е. Вельман-Омелина и др.]; Тартус. ун-т. – Тарту, 2013. – С. 380–383. – 0,12 п. л.
- 11) *Солдаева, А. А.* Русские фольклорные загадки о *горшке*: опыт лингвистического описания [Текст] / А. А. Солдаева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 4/5. – С. 80–84. 0,33 п. л.
- 12) *Солдаева, А. А.* Русская традиционная загадка: вариативность и интертекстуальность [Текст] / А. А. Солдаева // Актуальные проблемы современной лингвистики: М-лы V Межвуз. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 19 апр. 2016 г. / С.-Петерб. гос. электротехн. ун-т. – СПб., 2016. – С. 135–138. – 0,32 п. л.
- 13) *Солдаева, А. А.* «Мала малышка, золота кубышка»: к вопросу об омонимии текстов загадок [Электронный ресурс] / А. А. Солдаева // XLVI Международная филологическая научная конференция, г. Санкт-Петербург, 13–22 марта 2017 г.: [тезисы] / С.-Петерб. гос. ун-т. – Электрон. дан. – [СПб.], [2017]. – Режим доступа: <http://conference-spbu.ru/conference/36/reports/6464>. – Загл. с экрана. (28.05.2017). – 0,04 п. л.
- 14) *Солдаева, А. А.* «Висит груша — нельзя скушать». Переосмысленные загадки [Текст] / А. А. Солдаева // Междунар. филол. конф.: сб. ст. по м-лам XLVI Междунар. филол. конф., г. Санкт-Петербург, 13–22 марта 2017. [Заседания секций] Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика. – СПб.: ВВМ, 2017. – С. 100–104. – 0,2 п. л.
- 15) *Солдаева, А. А.* Функционирование загадки в интернет-пространстве русского языка [Текст] / А. А. Солдаева // Информация. Коммуникация. Общество = Information. Communication. Society : Труды XV Всерос. науч. конф., [Санкт-Петербург], 18–19 января 2018 г. / [ред. колл.: А. Ф. Иванов (гл. ред.) и др.]. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. – С. 315–321. – 0,39 п. л.
- 16) *Солдаева, А. А.* «В бабе две, а в девке ни одной», или Как отгадать загадку? [Текст] / А. А. Солдаева // XLVII Междунар. филолог. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г. : [тезисы] / С.-Петерб. гос. ун-т. – Электрон. дан. – [СПб.], [2018]. – Режим доступа: <http://conference-spbu.ru/conference/38/structure/> – Загл. с экрана. (20.02.2018). – 0,04 п. л.

Солдаева Анна Александровна
Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать __.03.2018 г.
Формат 60x94/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11